

Л. Ф. ДОСТОЕВСКАЯ ОБ ОТЦЕ

(Впервые переведенные главы воспоминаний)

Публикация С. В. Белова

Перевод с немецкого Е. С. Кибардиной

17/29 сентября 1869 г. Достоевский писал из Дрездена в Петербург своему старому другу А. Н. Майкову: «...три дня тому (14 сентября) родилась у меня дочь, *Любовь*. Все обошлось превосходно и ребенок большой, здоровый и красавица. Мы с Аней счастливы» («Письма», II, стр. 241). Анна Григорьевна Достоевская в «Воспоминаниях» писала: «С появлением на свет ребенка счастье снова засияло в нашей семье. Федор Михайлович был необыкновенно нежен к своей дочке, возился с нею, сам купал, носил на руках, убаюкивал и чувствовал себя настолько счастливым, что писал Н. Н. Страхову: „Ах, зачем вы не женаты, и зачем у вас нет ребенка, многоуважаемый Николай Николаевич. Клянусь вам, что в этом $\frac{3}{4}$ счастья жизненного, а в остальном разве одна четверть“» (стр. 188).

Достоевский очень любил свою вторую дочь и проявлял к ней большую нежность. 14/26 декабря 1869 г. он писал о ней С. А. Ивановой: «Не могу вам выразить, как я ее люблю <...> Девочка здоровая, веселая, развитая не по летам (т. е. не по месяцам), все поет со мной, когда я ей запою, и все смеется; довольно тихий некапризный ребенок. На меня похожа до смешного, до малейших черт» («Письма», II, стр. 239).

Сохранилось 11 записок десятилетней Любы к отцу и две записки Достоевского к дочери: «Милая Лилия, папа тебя очень любит и пишет тебе из Москвы. Веселись и играй, об тебе думаю и тебя целую. Твой папа» (письмо 26 апреля 1874 г. — «Письма», III, стр. 96). Во втором письме 7/19 августа 1879 г. Достоевский пишет ей из Эмса в Старую Руссу: «Милый ангел мой Лиличка, целую тебя и благословляю и очень люблю. Благодарю за то, что ты пишешь мне письма. Прочту и поцелую их и о тебе подумаю каждый раз, как получу. Здесь мне скучно без вас, и никого у меня знакомых, так что все молчу и боюсь, что разучусь говорить. Недели через три к вам приеду. Милая Лилия, слушайся маму и с Федей <сын Достоевского. — С. Б.> не ссорся. Да и не забывайте оба учиться. Молюсь об вас всех богу и прошу вам здоровья. Передай от меня поклон батюшке <хозяин старорусской дачи, священник И. Румянцев. — С. Б.>, да поцелуй за меня Федю. Пожалуйста, слушайтесь все маму и не огорчайте ее. До свиданья, милая Лиличка, очень люблю тебя. Поцелуй маму. Твой папа Ф. Достоевский» («Письма», IV, стр. 90).

Б. М. Маркевич, присутствовавший при кончине Достоевского, вспоминает, что за несколько часов до смерти Достоевский, «позвав детей — мальчика и девочку, старшая девочка, которой 11 лет, говорил с ними о том, как они должны жить после него, как должны любить мать, любить честность и труд, любить бедных и помогать им <...> Двое детей их, сын и дочь, тут же на коленях торопливо, испуганно крестились. Девочка в отчаянном порыве кинулась ко мне, схватила меня за руку: „Молитесь, прошу вас, молитесь за папашу, чтобы если у него были грехи, бог ему простил!“ — проговорила она с каким-то поразительным, недетским выражением и залилась истерическими слезами. Я ее, всю дрожащую ознобом, увел из кабинета, но она вырвалась из моих рук и убежала опять к умирающему» («Московские ведомости», 1881, № 32, 1 февраля). И долго еще одиннадцатилетняя девочка вспоминала любимого отца: «Мне грезилось, что мой отец не умер, что он похоронен живым в летаргическом сне, что он скоро проснется в своем гробу, позовет на помощь кладбищенских сторожей и вернется домой. Я представляла себе нашу радость, наш смех, поцелуи, которыми мы обменяемся, и милые слова, которые скажем друг другу. Недаром я была дочерью писателя: потреб-

ность выдумывать сцены, жесты и слова жила во мне, и это детское творчество причиняло мне много счастья. Но чем больше уходили дни, недели, тем больше в моем детском мозгу просыпалось благоразумие и разбивало мои иллюзии; оно говорило мне, что люди не могут жить долго под землей без воздуха и пищи, что летаргический сон моего отца продолжается дольше этого срока и что, может быть, действительно он умер. Тогда я стала ужасно страдать» («Достоевский в изображении его дочери». М.— Пг., 1922, стр. 105).

Ранняя потеря отца, грандиозные похороны Достоевского, вероятно, действовали на характер впечатлительной Любови Федоровны. Однако в гораздо большей степени на его склад оказывало влияние ее слабое здоровье. Любовь Федоровна росла очень болезненным ребенком. Это в какой-то мере предчувствовал сам Достоевский, когда сообщал А. Н. Майкову через год после рождения дочери: «Девочка моя здорова <...>, но очень нервный ребенок, так что боюсь, хотя здорова» («Письма», II, стр. 293). Описания Достоевского оправдались: значительная часть жизни Любови Федоровны, начиная с раннего возраста, когда Достоевский возил ее лечиться в Старую Руссу, прошла в различных, в основном, зарубежных санаториях и на курортах, где она лечилась от многочисленных недугов. Письма ее полны жалоб на здоровье. «Моя спина в эту зиму гораздо лучше, — пишет она матери в 1917 г., — но мускулы возле конца позвоночного столба все еще болят. Если нельзя будет ехать в Италию, то придется лечиться в Baden возле Цюриха». «Пишу тебе из Додена, маленького городка возле Цюриха, где я лечусь серными ваннами» <...> Здешний доктор уверяет меня, что мои мигрени происходят оттого, что шея и затылок поражены артритизмом, заставляет меня сидеть в ванне по губы и говорит, что впоследствии, когда я окрепну, необходимо будет лечить затылок световыми лучами. Сердце мое так слабо, что после каждой ванны я отдыхаю день, а иногда и два» (М. В. В о л о ц к о й. Хроника рода Достоевского. М., 1933, стр. 131).

Вечные болезни, неудачи в личной жизни (Любовь Федоровна до конца своих дней осталась одинокой) сделали ее неуживчивой, недоброжелательной. Не выдержала Любовь Федоровна и бремени славы как дочь Достоевского. В то время как ее мать продолжала трудиться (выпускала собрания сочинений писателя, организовывала музейные выставки, издавала библиографический указатель произведений Достоевского и литературы о нем), Любовь Федоровна все больше тянулася к великосветским салонам и почти не интересовалась тем, что делает Анна Григорьевна. Вот что вспоминает близко знавшая семью Достоевских М. Н. Стоюнина, жена известного педагога В. Я. Стоюнина: «После смерти Федора Михайловича картина жизни в семье Достоевских меняется. В отношениях дочери, Любови, с матерью постепенно происходит охлаждение, возникают крупные несогласия в убеждениях, склонностях и вкусах, что и приводит потом к разрыву <...> Разлад между ними дошел до того, что Анна Григорьевна, видя однажды, как выносят из церкви девичий гроб, воскликнула: „Зачем не мою дочь это хоронят!“ Любовь Федоровна льнет к аристократическому кругу; у нее развилось страстное честолюбие, жажда жить открыто, устраивать светские приемы; скромная квартира на Ямской стесняет ее, снимается, по ее настоянию, новая: на углу Знаменской и Невского. Перемена в условиях жизни совершилась: обстановка роскошная, появилась голубая шелковая гостиная, жардиньерки, поэтические уголки, ценные вазы, шали, саксонские лампы, фарфоровые статуэтки <...> Связь с дочерью вскоре окончательно порывается, и они разошлись. Дочь поселится на Фурштадтской, мать — на Спасской. В салоне дочери гости стали поважнее, дочь царит остроумием, пишет легкие пьески для театра, однако скучает от шумной пустоты света. Мать украдкой следит за дочерью и трагически переживает неудачную ее судьбу» («Ф. М. Достоевский». Статьи и материалы. Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. Пб., 1925, стр. 581).

Болезненный характер Л. Ф. Достоевской сказался и на ее литературном творчестве, когда она стала автором романов: «Эмигрантка» (СПб., 1912), «Адвокатка» (СПб., 1913). В центре этих произведений — вопросы наследственности, угроза вырождения. Романистка высказывает мысль о том, что больные люди, в интересах человечества, должны быть изолированы от здоровой части общества, не должны производить потомства. В предисловии к сборнику рассказов с характерным

заглавием «Больные девушки» (СПб., 1911) Л. Достоевская пишет: «В наше время, вследствие ненормального положения женщин в обществе, число больных девушек увеличивается с каждым годом. К сожалению, люди мало обращают на них внимания. Между тем большинство таких девушек выходит замуж и заражают своею нервностью и ненормальностью последующие поколения». Литературные достоинства ее произведений очень невысоки, и они интересны лишь тем, что их написала дочь Достоевского.

В 1913 г. Любовь Федоровна, как обычно, выехала для лечения за границу, однако больше уже в Россию не вернулась. За границей жила литературным трудом и издала на немецком языке книгу об отце под названием «Dostojewski, geschildert von seiner Tochter» (München, 1920). В русском переводе под редакцией А. Г. Горнфельда эта книга вышла в сильно сокращенном (больше чем наполовину) виде под названием «Достоевский в изображении его дочери» (М.—Пг., ГИЗ, 1922).

Публикуемая ниже глава «Первые шаги» также была наполовину сокращена в русском издании, а глава «Салон графини Толстой» вообще не вошла в это издание и сейчас впервые печатается на русском языке. Свою книгу Любовь Федоровна написала по-французски, но книга ее вышла в Мюнхене в немецком переводе, сделанном Г. Кноп с французской рукописи; перевод был одобрен Л. Ф. Достоевской. Таким образом, публикуемые ниже главы, как и русское издание 1922 г., переведены с немецкого языка.

Книгу Л. Ф. Достоевской нельзя назвать мемуарной в точном смысле этого слова: ведь когда умер ее отец, ей было всего 11 лет. Да и сама Любовь Федоровна это понимала, озаглавив свою книгу «Достоевский в изображении его дочери». И там, где Любовь Федоровна «в изображении» Достоевского строго придерживается документальных фактов, мемуаров современников, семейных преданий и, наконец, что самое важное, запомнившихся ей рассказов отца и матери,—там это изображение является верным.

Однако там, где Любовь Федоровна сознательно извращает известные факты из жизни Достоевского, там ее книга приобретает нелепо тенденциозный характер. Вопреки всем фактам и документам, Любовь Федоровна почти в каждой главе, по любому поводу и без всякого повода, утверждает, что ее отец не был русским, а был норманно-литовского происхождения. Вероятно, это объясняется тем, что вымышленное норманно-литовское происхождение давало возможность Любви Федоровне высказывать претензию на потомственное дворянство, что больше всего и превыше всего ценилось в той среде, где она вращалась, когда в 1920 г. появилась ее книга.

Но не исключено, что это объясняется также и тем, что Любовь Федоровна большую часть своей сознательной жизни прожила за границей. Она настолько отвыкла от России, что даже на вопрос: «К какому народу желали бы вы принадлежать?» — ответила: «К англичанам» (М. В. В о л о ц к о й. Хроника рода Достоевского, стр. 127).

Однако, если отбросить маниакальную идею автора книги о происхождении Достоевского, то работа ее, несомненно, представляет интерес, так как она сообщает много неизвестных фактов из жизни Достоевского.

Сравнивая публикуемый нами перевод главы «Первые шаги» с переводом издания 1922 г., можно убедиться в том, что многие важные моменты из жизни и творчества Достоевского в молодости опущены в этом издании; в переводе оборваны куски текста, пропущены целые абзацы и отдельные фразы.

Читатели найдут в публикуемой ниже главе «Первые шаги» неизвестные подробности о жизни и творчестве Достоевского и прежде всего—новые данные о создании Достоевским повести «Неточка Незванова». Некоторые из этих сведений она, несомненно, получила от своей матери, а та, в свою очередь, от мужа. Ведь «Неточка Незванова» была любимым произведением Анны Григорьевны в молодости, недаром родные и друзья звали ее «Неточка Сниткина». И, конечно, когда двадцатилетняя Неточка Сниткина стала женой Достоевского, она постаралась узнать у мужа подробности создания столь любимой ею повести.

Безусловно, творческий процесс у Достоевского был неизмеримо сложнее, чем его изображает Любовь Федоровна. Наивно, например, ее заявление, что повесть была написана «для Виельгорского» (вообще историко-литературные суждения Любви Федоровны трудно принимать всерьез), но мы полагаем, что исследователи «Неточки Незвановой» не могут не учесть и некоторые приводимые ею сведения.

Л. Ф. Достоевская указывает также, что прототипом бабушки в «Игроке» послужила тетка писателя А. Ф. Куманина. Это, очевидно, сообщила дочери А. Г. Достоевская — ведь «Игрок» был первым произведением, которое ей диктовал Достоевский, когда она в 1866 г. пришла работать к писателю в качестве стенографистки. С «Игрока» и началось знакомство Анны Григорьевны с Достоевским. До сих пор же считалось, что основой этого образа послужила вторая жена деда писателя — О. Я. Антипова (Нечаева). Скорее же всего это образ собирательный.

Большой интерес имеет глава «Салон графини Толстой». И не только потому, что дружба Достоевского с С. А. Толстой — еще не раскрытая полностью страница в биографии писателя, но и потому, что и после смерти отца Любовь Федоровна продолжала бывать в салоне Толстой, многое узнала от нее и передала подробнее, чем это сделала в своих «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская.

Дружба и встречи с С. А. Толстой — одна из самых светлых страниц в последние годы жизни Достоевского. Софья Андреевна Толстая (1824—1892), жена поэта Алексея Константиновича Толстого, была незаурядной женщиной. Она знала 14 языков, была в дружеских отношениях со многими выдающимися людьми своего времени: Гончаровым, Тургеневым, Вл. Соловьевым и др. А. Г. Достоевская вспоминает: «Но всего чаще в годы 1879—1880 Федор Михайлович посещал вдову покойного поэта гр. Алексея Толстого, графиню Софию Андреевну Толстую. Это была женщина громадного ума, очень образованная и начитанная. Беседы с ней были чрезвычайно приятны для Федора Михайловича, который всегда удивлялся способности графини проникать и отзываться на многие тонкости философской мысли, так редко доступной кому-либо из женщин. Но, кроме выдающегося ума, гр. С. А. Толстая обладала нежным, чутким сердцем, и я всю жизнь с глубокою благодарностью вспоминаю, как она сумела однажды порадовать моего мужа». И далее Анна Григорьевна рассказывает о том, как Толстая выполнила заветное желание Достоевского — иметь хорошую репродукцию его любимого произведения — «Сикстинской Мадонны» Рафаэля. Подарок Толстой был бесконечно дорог Достоевскому, он «был тронут до глубины души ее сердечным вниманием, — пишет Анна Григорьевна, — и в тот же день поехал благодарить ее. Сколько раз в последний год жизни Федора Михайловича я заставляла его стоящим перед этою великою картиною в таком глубоком умилении, что он не слышал, как я вошла, и, чтобы не нарушать его молитвенного настроения, я тихою уходом из кабинета. Понятна моя сердечная признательность графине Толстой за то, что она своим подарком дала возможность моему мужу вынести пред ликом Мадонны несколько восторженных и глубоко прочувствованных впечатлений!» (А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 355—356).

Имя С. А. Толстой неоднократно упоминается в письмах О. А. Новиковой, Вл. С. Соловьева, С. П. Хитрово к Достоевскому. В архиве писателя сохранилась записка С. А. Толстой к нему, относящаяся к 1878 г. (ЛБ, ф. 93, П. 9.52).

«Федор Михайлович, пожалуйста, пожалуйста, приходите к нам хоть на минуту — или сегодня в 10 часов вечера я буду дома, или завтра утром — очень мне хочется вас видеть. Жалею очень, что не видела жену вашу — надеюсь, в другой раз познакомимся. До свидания, не правда ли?

С. Толстая»

Именно Толстая послала Достоевскому коллективную телеграмму от почитателей его таланта в связи с триумфом его Пушкинской речи. В ответ Достоевский направил Толстой письмо 13 июня 1880 г., которое свидетельствует о том, что он неизменно относился к ней с большим уважением и теплотой; оно заканчивалось словами: «Примите, глубокоуважаемая графиня, мой глубоко сердечный привет. Слишком, слишком ценю ваше расположение ко мне и потому ваш весь навсегда» («Письма», IV, стр. 176).

Кроме Толстой, Достоевский в конце 70-х годов часто встречался и беседовал с С. П. Хитрово и Е. Н. Гейден. Софья Петровна Хитрово, племянница С. А. Толстой, была женой известного дипломата. А. Г. Достоевская пишет: «Федор Михайлович любил посещать гр. С. А. Толстую еще и потому, что ее окружала очень милая семья: ее племянница, София Петровна Хитрово, необыкновенно приветливая молодая жен-

щина и трое ее детей: два мальчика и прелестная девочка. Детки этой семьи были ровесниками наших детей, мы их познакомили, и дети подружились, что очень радовало Федора Михайловича». Имя С. П. Хитрово упоминается в письмах к Достоевскому Ю. Ф. Абазы, А. А. Киреева, известно также одно дружеское письмо Достоевского к С. П. Хитрово 8 января 1880 г. (см. «Письма», IV, стр. 126). Сохранились также 11 писем С. П. Хитрово к писателю, свидетельствующих о том, что в 1880 г. Достоевский довольно часто бывал в доме Хитрово. Из публикуемого ниже впервые письма С. П. Хитрово к Достоевскому 15 июня 1880 г. (ЛБ, ф. 93. II.9.103) видно, что он сразу после Пушкинского праздника написал к ней еще одно письмо, местонахождение которого нам до сих пор неизвестно.

«Милый, милый Федор Михайлович. Вчера получили ваше письмо и все мы говорим вам большое спасибо за все подробности. Спасибо очень — вы знаете, как мы хотим знать все, что с вами и через вас, и так все это было хорошо и приятно. Дай вам бог и нам пережить еще такие минуты хорошие и настоящие в жизни. Я сейчас еду в Красный Рог и пишу вам несколько слов — и я еду одна и мне скучно всех оставлять даже на неделю; Вл. Сергеевич¹ остается и будет за меня восхищаться зелеными деревьями и самым голубым небом. Спасибо вам еще и еще — я бы очень желала быть между теми женщинами, которые вас так крепко за руки держали; авось — когда-нибудь. А пока до свидания, мой милый Федор Михайлович.

Ф. М. Очень много можете над людьми и надо делать² особенно для нас бедных — женщин.

До свидания непременно. Отчего не едете в Эмс — вам это нужно. И заехали бы к нам. Кланяюсь очень жене вашей и дети мои вашим.

С. Хитрово

Пустынька. 15 июня <1880>

Юлия Федоровна³ плакала, когда я читала ваше письмо, а графиня⁴ сама будет писать».

Как вспоминает В. Микулич в книге «Встречи с писателями» (Л., 1929, стр. 139—148), на одном из субботних вечеров зимой 1879/1880 г. у Е. А. Штакеншнейдер был разыгран «Каменный гость». Достоевский привел на спектакль С. А. Толстую и С. П. Хитрово. Незадолго перед смертью писатель подарил Хитрово только что вышедший том романа «Братья Карамазовы» с надписью: «Глубокоуважаемой Софье Петровне Хитрово на память от автора».

А. Г. Достоевская сообщает: «Из лиц, с которыми Федор Михайлович любил беседовать и которых часто посещал в последние годы своей жизни, упомяну графиню Елизавету Николаевну Гейден, председательницу Георгиевской общины. Федор Михайлович чрезвычайно уважал графиню за ее неутомимую благотворительную деятельность и всегда возвышенные мысли» (А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 357). В библиотеке СССР им. В. И. Ленина сохранилось пять писем Е. Н. Гейден к Достоевскому, в которых она делится с ним своими религиозными мыслями, просит у него поддержки и совета. Наиболее характерно письмо 9 августа 1880 г. (ЛБ, ф. 93, II.2.73):

«Шершни, 9 августа 1880

Надеялась ли я когда-нибудь получить от Достоевского, которого высоко чтла не как писателя, не как таланта, а как человека с пророческой душой, с отзывчивым сердцем — такое письмо, какое лежит теперь перед моими глазами, которое я перечитала несколько раз, которое прямо, лично и близко ко мне относится? Знаете ли, когда я его получила и с трепетом радости прочла, во мне заходило самонимение, гордость, торжество — его читали и другие, потому, что все из моей семьи захотели видеть и прочесть, что пишет маме Достоевский — мне показалось, что вы меня подняли на пьедестал какой-то в их глазах, и стало совестно. Тот ли я человек в самом деле, к которому пишет Достоевский, которому он предлагает свою дружбу: нет ли во мне чего такого, что в самом корне подсекает божественные дарования. Я хочу познать ваш характер, говорите вы, а что, если узнав его поближе, вы заклейте его, как содержащий слишком много пустоты и себялюбия? Я в борьбе, это правда, и благодаря божиему наставлению, через посредство обстоятельств и услышанных слов, путем чужого горя и соб-

ственных испытаний, я дошла до трезвости души, часто омрачающейся, но вновь прозревающей во мне, по милости божией. И вот этого прозрения я всегда жажду и потому ищу общения с теми людьми, которые могут способствовать этой трезвости, подтягивая во мне препоясание чресел. Достаточно ли этого состояния, чтобы получить доступ к вашей дружбе, Федор Михайлович? Или, может быть, ратуя за величайшую идею — христианства — вам нужны только люди сильные вокруг себя? Вот что я спросила у себя, когда остыл во мне первый пыл после прочтения вашего письма; мне слышался в нем какой-то призыв делить могучие интересы, но могу ли я? Не заблуждаюсь ли вы относительно моего нравственного содержания, из-за моей восприимчивости? Не вредно ли мне, несовершенной христианке, пить вино возбуждения? Я отложила на несколько дней дорогие ваши строки и не заглянула в них, пока не улеглось мое волнение и я не вошла опять в свое будничное настроение, где я не отличаюсь, кажется, от всех окружающих меня. И вот, прочитав теперь ваше письмо, я чувствую себя умиленной, мне радостно каким-то тихим, полным чувством, — хожу с своим спокойным созерцанием по живописным дорожкам своего сада, все вокруг меня еще так полно здоровой жизнью, солнце греет, но не жжет, воздух и тепел и свеж, всякое веяние притаилось, всякая травка, всякое дерево так привольно живут своею жизнью и душа моя вторит им, объята невозмутимым счастьем. Переходя от этой внешней оболочки, где я занимаю свое место наряду с каждой козявкой, — я переносусь в иной мир отвлеченных отношений и тут мне кажется, что я обогатилась новым сокровищем, сулящим мне радости живые, в общении мысли и духа...»

Местонахождение письма Достоевского к Гейден, о котором она упоминает, до сих пор неизвестно. Возможно, оно находится у кого-нибудь из ее потомков. Сохранилось лишь одно черновое письмо Достоевского к Гейден, которое он продиктовал своей жене в ответ на обращение к ней Гейден. Будучи уже смертельно больным, он пожелал сам сообщить ей о своем здоровье и продиктовал 28 января 1881 г. для нее Анне Григорьевне несколько строчек (см. настоящ. том, стр. 147).

Вторая часть главы «Салон графини Толстой», где Любовь Федоровна рассказывает о встречах писателя с наследниками русского престола, в какой-то степени дополняет статью Л. П. Гроссмана «Достоевский и правительственные круги 70-х годов» («Литературное наследство», т. 15, 1934). Тем интереснее то замечание, которое делает Л. Ф. Достоевская: «Очень характерно, что Достоевский, который в этот период жизни был пылким монархистом, не хотел подчиняться этикету двора и вел себя во дворце, как он привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной <...> Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались как с простым смертным».

Любовь Федоровна Достоевская скончалась в 1926 г. в Гризе (Тироль) от белокровия. О последних днях ее жизни оставила воспоминания жена ее брата, Ф. Ф. Достоевского, Екатерина Петровна Достоевская: «Любовь Федоровна стала болеть с мая 1926 года, о чем она несколько раз писала мне. <...> Судя по ее последним письмам, она к концу жизни стала мягче и отзывчивее. Она настойчиво звала меня с Андреем (сын Е. П. Достоевской. — С. Б.) за границу, обещая свою поддержку и поддержку и участие многочисленных почитателей Федора Михайловича. Она интересовалась судьбой моего сына Андрея и старалась утешить меня в моей потере моего старшего сына. Одним словом, судя по этому, она очень изменилась, так как раньше я и мои дети были существами, ее не интересовавшими. Я рада, что наши отношения до ее смерти значительно смягчились» (М. В. В о л о ц к о й. Хроника рода Достоевского, стр. 131—132).

¹ Владимир Сергеевич Соловьев.

² Дальнейший текст на полях письма.

³ Юлия Федоровна Абаза, жена министра финансов, близкий друг семьи Достоевского и Хитрово.

⁴ Софья Андреевна Толстая.

⁵ Дальнейший текст, т. е. две последние строки записаны А. Г. Достоевской стенографически.

ПЕРВЫЕ ШАГИ *

После окончания своих занятий в Инженерном замке Достоевский получил место в инженерном ведомстве. Но он не долго оставался здесь и скоро вышел в отставку. К тому времени уже умер его отец, который мог бы заставить его служить на государственной службе; военная служба его не привлекала, тем более, что у него было желание стать писателем. Молодой Григорович последовал его примеру. Они решили поселиться вместе, сняли холостяцкую квартиру и наняли слугу ¹. Григорович получал деньги от своей матери, жившей в провинции, а мой отец — из Москвы от своего опекуна, предоставлявшего ему средства, достаточные для скромного образа жизни ². К сожалению, отец всегда имел фантастическое представление о бережливости. Всю жизнь он <...> сразу растрачивал все деньги, имеющиеся в его кармане, не задумываясь о том, на что он будет жить завтра. Он не изменился и в старости. Мне вспоминается одна поездка с отцом на Украину, предпринятая нами в его последние годы, чтобы провести лето у моего дяди Ивана ³. На несколько дней мы должны были остановиться в Москве, и, к большому неудовольствию моей матери, Достоевский снял номер в лучшей гостинице города в первом этаже, тогда как в Петербурге мы жили в очень скромной квартире. Как ни протестовала моя мать, но она никогда не могла справиться с расточительностью своего супруга. Когда на семейные праздники приглашали родных, отец всегда вызывался покупать деликатесы для закуски, занимающей столь большое место на русских обедах, а также фрукты и десерт. Если мать имела неосторожность позволить ему это, Достоевский шел в лучшие магазины города и покупал все хорошее, что ему попадалось. Я смеюсь каждый раз, когда читаю, как Дмитрий Карамзов делает покупки у Плотникова перед поездкой в Мокрое. Я вижу себя опять в Старой Руссе в той же лавке Плотникова, куда я иногда ходила с отцом и с любопытством лакомки следила за его оригинальным способом делать покупки ⁴. Когда я шла туда с матерью, мы выходили оттуда со скромным пакетиком в руке. Но если я сопровождала туда отца, мы покидали магазин с пустыми руками, но несколько маленьких мальчиков шли перед нами или за нами и несли довольные, в ожидании хороших чаевых, большие корзины <...>

Достоевский подавал милостыню всем бедным, встречавшимся на его пути, и никогда не мог отказать в деньгах, если кто-нибудь говорил ему о своем несчастье и просил его о помощи. Чаевые, которые он раздавал за малейшую услугу прислуге, были баснословны и приводили мою бедную мать в бешенство.

Неудивительно, что отец при таком образе жизни тратил больше, чем мог ему посылать из Москвы опекун. Он делал долги, и, чтобы избавиться от своих кредиторов, предложил своему опекуну отказаться от своих прав наследства за довольно скромную, но сразу же выплаченную сумму.

Не зная сути газетного и издательского дела, Достоевский был столь наивен, что думал зарабатывать себе на жизнь писательством. Опекун согласился на эту сделку, хотя он ни в коем случае не должен был это делать. Мои тетки заметили, что их брат Федор ничего не понимает в делах и ему можно делать самые невыгодные предложения. Позднее они и попытались это сделать, когда семье Достоевского досталось другое наследство, и борьба, которую отец должен был вести против притязаний своих сестер, омрачила конец его жизни. На этом я останавлиюсь подробнее в последних главах моей книги ⁵.

* Главы «Первые шаги» и «Салон графини Толстой» публикуются с незначительными сокращениями, касающимися рассуждений Л. Ф. Достоевской о происхождении писателя.

Л. Ф. ДОСТОЕВСКАЯ

Фотография, 1915—1916 гг.

Почтовая открытка с надписью на обороте:

«Любовь Федоровна Достоевская. В 1915—16 г.

В Италии или на Ривьере»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

Выплатив долги, Достоевский быстро истратил остаток своих денег. Он попробовал переводить *, но это давало мало денег. Тут к нему на помощь пришла тетка Куманина и назначила ему пенсию. Она была сестрой его матери, удачно вышла замуж и жила в прекрасном доме в Москве, окруженная толпой преданных слуг, бесчисленными приживалками, бедными женщинами, трепетавшими перед ней и угождавшими всем прихотям богатой деспотической барыни. Она протектировала своим племянникам и племянницам, выделяя особенно моего отца, который всегда оставался ее любимцем. Она одна из всей семьи знала ему цену и всегда была готова ему помочь. Отец любил свою старую тетку Куманину, хотя несколько и подсмеивался над ней, как это бывает обычно с молодыми племянниками.

* В это время он сделал отличный перевод «Евгении Гранде» Бальзака. (Примеч. Л. Ф. Достоевской.)

Он изобразил ее в «Игроке» в образе старой московской бабушки, которая приезжает в Германию, играет в рулетку, теряет половину своего состояния и так же быстро, как появилась, возвращается в Москву. В то время, когда в Германии процветала игра в рулетку, моя бабушка Куманина была слишком стара, чтобы путешествовать. Но вполне вероятно, что она играла в Москве в карты и проигрывала большие суммы денег. И, отправляя ее в Германию и заставляя играть там в рулетку, Достоевский, вероятно, хотел показать, от кого он унаследовал страсть к игре.

Но было бы ошибкой утверждать, что отец тратил много денег, предаваясь удовольствиям праздной жизни. Достоевский в молодости был очень прилежным и трудолюбивым. Он мало выходил, все дни проводил за письменным столом, беседовал со своими героями, смеялся, плакал и страдал с ними. Его друг Григорович, обладавший большим житейским опытом, пытался наряду со своим писательством приобретать знакомства, которые могли бы оказаться полезными для его дальнейшего преуспевания, добился того, что его ввели в литературные круги и представил там своего друга Достоевского. Григорович был красивым, веселым и элегантным, ухаживал за дамами и восхищал каждого. Отец был неловким, робким, нелюдимым, скорее некрасивым; он мало говорил и больше слушал. В этих салонах оба друга встречались также с Тургеневым, которого привела в Петербург тоже литературная карьера. Отец был его большим почитателем. «Я влюблен в Тургенева», — писал он наивно своему брату Михаилу, служившему после окончания военного училища офицером в Ревеле. «Он так красив, так привлекателен, так элегантен»⁶. Тургенев самодовольно принимал почитания моего отца — для него он был совершенный нуль⁷.

Григоровичу удалось познакомиться с поэтом Некрасовым, собиравшимся издавать литературный журнал. Григорович стремился тем или иным путем принять участие в журнале. Его первые произведения еще не были окончены — он слишком много времени уделял обществу, — но он знал, что отец написал роман, который постоянно переделывал, боясь, что он еще недостаточно хорош. Григорович убедил его доверить ему рукопись и показал ее Некрасову. Тот спросил его, знает ли он произведение своего друга, и услышав, что у Григоровича еще не было времени прочесть его, предложил ему просмотреть вместе с ним две или три главы и проверить, стоящая ли это вещь.

Они прочли не отрываясь этот первый роман * отца. Уже рассвет брезжил за окном, когда они подошли к концу. Некрасов был восхищен. «Пойдем к Достоевскому, — предложил он Григоровичу. — Я хочу ему сказать, что я благодарен ему за его роман». — «Но он спит, еще ночь», — ответил Григорович. — «Ну и что из этого! Это важнее сна». И энтузиаст бросился в сопровождении Григоровича на улицу, разбудил отца в 5 часов утра, чтобы сообщить ему, что он — большой талант.

Потом рукопись отдали знаменитому критику Белинскому, который, прочтя ее, пожелал увидеть молодого писателя. Достоевский, охваченный дрожью возбуждения, предстал перед ним. Белинский принял его строго. «Знаете ли вы, что вы написали, молодой человек? — сказал он ему. — Нет, вы не знаете. Вы еще не можете понять это»⁸.

Некрасов опубликовал «Бедных людей» в своем сборнике, и они имели большой успех. С этого момента отец стал знаменит. Все хотели с ним

* Этот роман назывался «Бедные люди». Перед тем как его писать, он начал трагедию «Мария Стюарт», которую отложил, чтобы сочинить драму «Борис Годунов» <...> Достоевский отложил в сторону «Марию Стюарт» и «Бориса Годунова» и дал нам «Бедных людей», проникнутых нашим удивительным славянским состраданием.
Примеч. Л. Ф. Достоевской.)

познакомиться. «Кто он — этот Достоевский?» — раздавалось со всех сторон. Отец уже с давних пор посещал литературные салоны, и никто на него не обращал внимания. Этот робкий человек всегда забивался в угол или в нишу окна, или пытался укрыться за какой-нибудь ширмой. Теперь ему больше не позволяли прятаться. Его окружали, всячески ему льстили; заставляли его говорить и находили его восхитительным. Наряду с литературными салонами, где принимали тех, кто хотел стать писателем или интересовался литературой, в Петербурге были еще и другие интересные салоны, куда допускались поэты, художники и известные музыканты. Таким был салон князя Одоевского, выдающегося поэта, графа Соллогуба, романиста с большим вкусом, очень тонко описавшего свои наблюдения над русской жизнью первой половины XIX века; кроме того, салон графа Виельгорского, обрусевшего поляка. Все эти господа старались познакомиться с Достоевским, приглашали его к себе и сердечно принимали. Отец особенно хорошо чувствовал себя у Виельгорских, у которых можно было послушать отличную музыку. Достоевский страстно любил музыку. Но я не думаю, чтобы у него был собственно музыкальный слух, так как он не воспринимал неизвестные вещи и предпочитал уже знакомые ему. Чем чаще он их слушал, тем большее наслаждение он получал.

Граф Виельгорский был большим любителем музыки, покровительствовал музыкантам и умел отыскивать их в закоулках столицы. Вероятно, тот особый тип бедного, спившегося, честолюбивого и ревнивого скрипача, которого граф Виельгорский отыскал на чердаке и заставил играть на своих музыкальных вечерах, произвел впечатление на фантазию отца, так как для графа Виельгорского он издал свой роман «Неточка Незванова». Он дал в нем истинный шедевр женской психологии, но возможно из-за своей молодой неопытности он не смог быть достаточно понятен публике. Говорят, что графиня Виельгорская была урожденной княгиней Бирон. Князья Бироны, происходившие из Курляндии, считали своими родоначальниками скорее европейских государей, чем европейских дворян. При внимательном чтении «Неточки Незвановой» можно скоро заметить, что князь Х., оказывающий гостеприимство бедной сироте, конечно, человек из хорошего общества и хорошего воспитания, но что именно благодаря его жене, гордой и высокомерной, дом приобретает княжеский вид. Все окружающие ее говорят о ней, как о государыне. Ее дочь Катя — это настоящая маленькая принцесса, избалованная и капризная, терроризирующая своих подданных, а потом осыпающая их милостями. Дружба ее с Неточкой с самого начала страстная, даже несколько эротическая. Русские критики строго порицали эту эротику в творчестве Достоевского, и все же отец совершенно прав, потому, что эти бедные немецкие принцессы, не имевшие права на брак по любви и всегда приносившие себя в жертву благосостоянию государства, часто питали подобную страстную и даже эротическую дружбу к какой-нибудь женщине. Эта болезнь у них — наследственная и могла естественно возникнуть и у их отпрыска, маленькой Кати, не по возрасту развитого ребенка. У Виельгорских не было дочерей; образ Кати весь создан Достоевским, этот образ возник у него, когда он ближе познакомился с княжеской супружеской парой. Этим образом маленькой нервной принцессы Достоевский демонстрирует знание женской психики, удивительное в таком робком молодом человеке, не осмелившемся даже приблизиться к женщинам. Его талант к этому времени уже вырос, но, к сожалению, у него еще не было настоящих художественных типов. Нет ничего более блеклого, потухшего, чем эти несчастные петербуржцы, родившиеся и выросшие в болоте. Они не более, чем копия, пародия, карикатура на европейские типы. «Эти люди все давно уже умерли, — говорил русский писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. — Они продолжают жить только потому, что полиция забыла их похоронить».

Друзья Достоевского, молодые писатели, начинавшие литературную карьеру, не могли примириться с его неожиданным успехом. Они завидовали моему отцу, выходили из себя при мысли, что этот скромный и робкий молодой человек был принят в салонах знаменитостей, куда кандидаты на звание писателя не имели доступа. Они не могли оценить его роман. «Бедные люди» казались им скучными и смешными. Они писали на них пародии в прозе и в стихах и безжалостно насмехались над молодым автором⁹. Чтобы повредить ему в общественном мнении, приятели Достоевского распространяли смешные анекдоты о нем. Они утверждали, что успех вскружил ему голову и он потребовал, чтобы каждая страница его второго романа, который должен был появиться в журнале Некрасова, была взята в рамку с целью выделить его из других произведений этого журнала. Само собой разумеется, это было ложью; роман «Двойник» появился без каких бы то ни было рамок¹⁰. Друзья Достоевского высмеивали его робость перед женщинами и рассказывали, что он от волнения в обморочном состоянии упал к ногам юной красавицы, когда ей его представляли¹¹. Отцу было очень больно терять свои иллюзии в отношении дружбы. Он иначе понимал дружбу; он наивно полагал, что его друзья должны радоваться его успеху, так же как и он, конечно, был бы рад их успеху. Особенно тяжела для отца была злость Тургенева, который, вне себя от успеха «Бедных людей», не знал уже, что и придумать, чтобы навредить Достоевскому. Он так его любил, почитал его так искренно! Именно здесь начало их вражды, длившейся всю их жизнь и вызвавшей в России столько разговоров (...)

Первый роман отца, несомненно, был очень хорошо написан, но он не был оригинален. Это было подражание гоголевскому роману, который в свою очередь имитировал французскую литературу этой эпохи. «Отверженные» Виктора Гюго с их знаменитым Жаном Вальжаном — вот символ этого нового литературного движения. Конечно, «Отверженные» были написаны позднее, но фигура каторжника, человека большого благородства, уже начала появляться в Европе.

Демократические идеологи, пробудившие французскую революцию, стремились поставить писателей, бедных людей, крестьян и мещан на одну ступень с дворянами и интеллигенцией из крупной буржуазии. Это новое литературное направление очень пришлось по душе русским, никогда не имевшим феодальной аристократии и чувствовавшим поэтому всегда влечение к демократическим идеям. Русские писатели, бывшие в это время людьми света и хорошего воспитания, не хотели больше описывать салоны; они искали своих героев на чердаках. Они не имели ни малейшего представления об этих людях и вместо того, чтобы описывать их такими, какими они были в действительности, собственнно, невежественными и подавленными нищетой, они наделяли своих новых героев рыцарскими чувствами, заставляли писать письма, достойные мадам Севинье¹².

Это было фальшиво и бессмысленно; и все же это были романы, принадлежавшие к той великоленной литературе XIX столетия, которая составляет славу нашей страны. Уже позднее поняли, что надо знать ту среду, которую собираешься описывать. Начали наблюдать жизнь крестьян, духовенства, купцов и горожан, давали отличные зарисовки русской жизни, которую еще мало знали. Но это было гораздо позднее. В тот период, о котором я говорю, русские писатели писали скорее элегантной моды ради и оставили после себя в высшей степени забавные произведения.

Отец, без сомнения, понимал фальшь этих романов, так как пытался в своем втором романе отойти от нового литературного направления. «Двойник» — несравненно более значительное произведение, чем «Бедные люди». Это уже оригинальный, настоящий Достоевский. Психиатры нашей страны чрезвычайно восхищаются этим маленьким шедевром и по-

ражаются, как молодой романист, никогда не изучавший медицину*, смог так хорошо описать последние дни сумасшедшего.

И однако этот второй роман отца не имел такого успеха, как первый. Это было слишком ново; тогда еще не был понятен этот детальный анализ человеческого сердца, завоевавший позднее столь большую популярность. Люди с больной психикой еще не вошли в моду; этот роман без героя и героини находили скучным. Критики не скрывали своего разочарования. «Мы ошиблись,— писали они,— талант Достоевского гораздо менее значителен, чем мы думали». Если бы отец был старше, он не обратил бы внимания на критиков, продолжал бы писать в своей новой манере, приучил бы к ней публику и дал бы нам уже тогда превосходные психологические этюды. Но тогда он был еще слишком молод; критика сбила его с пути. Отец боялся, что выдающийся успех его первого романа может не повториться более, и вернулся к ложному жанру Гоголя.

Теперь он уже не желал черпать материал для своих произведений только в самом себе. Он изучал новых героев русской литературы, отыскивал обитателей чердаков в трактирах и пивнушках. Он беседовал с ними, наблюдал их, изучал до мельчайших подробностей их нравы и привычки. Так как Достоевский был робок и не знал, как подойти к ним, он предлагал им сыграть с ним партию на бильярде. Сам он не умел играть, бильярд его не интересовал, поэтому он, конечно, проигрывал крупные суммы. Но Достоевский не жалел об этом, ведь игра на бильярде давала ему возможность наблюдать любопытные сцены и записывать оригинальные выражения**.

Изучив за несколько месяцев эту своеобразную среду, не известную ему прежде, он стал описывать этих маленьких людей такими, какими они были в действительности, и думал доставить этим радость читателям, но, к сожалению, он имел еще меньше успеха, чем прежде.

Русская публика соглашалась проявлять интерес к этим несчастным только при условии, что они будут изображены автором в духе Жана Вальжана. Их реальная, ничтожная и обыденная жизнь никого не интересовала.

Тогда Достоевский стал сомневаться в своем таланте. Здоровье его пошатнулось, он стал нервным и истеричным. В нем уже пустила корни эпилепсия, и хотя припадков еще не было, он уже чувствовал себя чрезвычайно подавленным***. Теперь он избегал салоны, часами отсиживался дома или блуждал по самым темным и пустынным улицам Петербурга. Гуляя, он разговаривал сам с собой, жестикулировал, так что прохожие оглядывались на него. Друзья, встречавшие его, считали его сумасшедшим. В этом бесцветном и отупляющем Петербурге его талант угасал (...)

* Достоевский очень высоко ценил «Двойника». В письме, отосланном брату Михаилу после возвращения из Сибири, отец говорит о «Двойнике» следующее: «Это была превосходная идея, величайший тип по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником». (Примеч. Л. Ф. Достоевской¹³.)

** Друзья Достоевского рассказывают в своих воспоминаниях, что он часто приглашал к себе неизвестных, с которыми он завязывал знакомство в кафе, и весь день беседовал с ними, выслушивал их рассказы. Друзья отца не могли понять удовольствия, испытываемого им от разговора с простыми людьми; читая потом романы Достоевского, они узнавали там тех субъектов, с которыми встречались у него. Вероятно, отец, как все молодые таланты, умел тогда писать только с натуры. Потом ему уже не нужны были прототипы, и он сам стал создавать своих героев. (Примеч. Л. Ф. Достоевской.)

*** Доктор Яновский, очень любивший моего отца, который часто обращался к нему за советом по поводу своего здоровья, рассказывает, что задолго до каторги Достоевский страдал нервной болезнью, очень похожей на эпилепсию. Как я уже отмечала, семья отца утверждала, что первый припадок случился с ним, когда он узнал о трагической смерти моего деда Михаила. Очевидно, Достоевский страдал эпилепсией с 18 лет. Но только после каторги она приобрела свою явно выраженную форму. (Примеч. Л. Ф. Достоевской¹⁴.)

У него не было денег, чтоб уехать в Европу, на Кавказ или в Крым — путешествие в то время было очень дорого. Отец чахнул в Петербурге и чувствовал себя счастливым только у брата Михаила, также осевшего в столице и собиравшегося оставить военную службу, чтобы посвятить себя литературе. Он женился на немке Эмилии Дитмар, и у них было много детей. Отец мой очень любил своих племянников; их детский смех рассеивал его меланхолию.

Удивляются тому, что в период первой молодости, которую большинство людей посвящает любви, у Достоевского не было ни одной женщины. <...>

Коллеги отца, изобретавшие анекдоты о том, как он падает в обморок при виде прекрасных женщин, конечно, заметили эту удивительную робость его перед женщинами*. Период страстей у отца начинается только после каторги, и тогда уже в обмороки он не падает.

Героины первых романов Достоевского — бледные, словно призраки, они неживые. В этот период он создал только два замечательных женских портрета: маленькой Нечки Незвановой и Кати, детей десяти и двенадцати лет. Этот роман вместе с «Двойником» — лучшее, что написал Достоевский в этот период <...>

САЛОН ГРАФИНИ ТОЛСТОЙ

Из литературных салонов Петербурга, посещавшихся Достоевским в последние годы его жизни, самым значительным был салон графини Софьи Толстой, вдовы писателя Алексея Толстого. Ее семья была монгольского происхождения, и графиня Толстая обладала тем пронзительным умом, «острым, как сталь», по выражению Достоевского, который встречается в России только у потомков монголов <...> Графиня относилась к числу тех женщин-вдохновительниц, которые, не будучи сами творческими натурами, умеют, однако, внушать писателям прекрасные замыслы. Алексей Толстой очень высоко ценил ум своей жены и ничего не публиковал без ее совета. Став вдовой, графиня обосновалась в Петербурге. Она была богата, и у нее не было детей; она очень любила свою племянницу¹⁶, которую воспитала и выдала замуж за дипломата. Этот дипломат вел тогда наши дела в Персии, и графиня Толстая, ожидая, что ему предоставят место в более цивилизованной стране, оставила племянницу со всей ее семьей у себя. Поселившись в Петербурге, графиня Толстая стала принимать в своем доме всех прежних друзей своего мужа, поэтов и писателей, и попыталась завязать новые литературные знакомства. Встретив моего отца, она поспешила пригласить его к себе и была с ним очень любезна. Отец обедал у нее, ходил на ее вечера, согласился прочесть в ее салоне несколько глав из «Братьев Карамазовых» до их публикации. Вскоре у него вошло в привычку заходить к графине Толстой во время своих прогулок, чтоб обменяться новостями двя. Хотя моя мать и была несколько ревнива, она не возражала против частых посещений Достоевским графини, которая в то время уже вышла из возраста соблазнительницы. Всегда одетая в черное, с вдовьей вуалью на седых волосах, совсем просто причесанная, графиня пыталась пленять своим умом и любезным обхождением. Она очень редко выходила и к четырем часам всегда была уже дома, гото-

* Доктор Ризенкамф, хорошо знавший моего отца в этот период жизни, пишет в своих воспоминаниях: «В 20 лет молодые люди ищут обычно идеал женщины и бросаются за каждой юной красавицей. Ничего подобного нельзя было заметить у Достоевского. Он был равнодушен к женщинам, питал почти антипатию к ним». Ризенкамф, однако, добавляет, что Достоевского интересовали сердечные дела его друзей и он охотно пел сентиментальные песни. На всю жизнь Достоевский сохранил привычку петь песни, которые ему нравились. Он пел их вполголоса, особенно, когда думал, что один в комнате. (Примеч. Л. Ф. Достоевской¹⁵.)

вая предложить Достоевскому обычную чашку чаю. Графиня была очень образованна, много читала на всех европейских языках и часто обращала внимание моего отца на какую-нибудь интересную статью, появившуюся в Европе. Достоевский тратил много времени на создание своих романов и, естественно, не мог так много читать, как бы этого хотел. У графа Алексея Толстого было плохое здоровье, и больше половины жизни он провел за границей. Он приобрел там многочисленных друзей, с которыми графиня поддерживала постоянную переписку. Они, в свою очередь, посылали к ней своих друзей, приезжавших в Петербург, и они становились усердными посетителями ее салона. Благодаря беседе с ними Достоевский соприкасался с Европой, которую всегда считал своим вторым отечеством. Вежливый и любезный тон, царивший в салоне графини, приятно отличал его от тривиальности других литературных салонов. Некоторые его старые друзья из круга Петрашевского разбогатели и охотно приглашали теперь к себе знаменитого писателя. Отец принимал эти приглашения; но назойливая роскошь недавно приобретенного богатства не нравилась ему; он предпочитал комфорт и сдержанную элегантность салона графини Толстой.

Благодаря отцу, салон этот вскоре вошел в моду и привлекал многих посетителей. «Когда графиня Софья приглашала нас на свои вечера, мы приходили, если у нас не было более интересных приглашений; когда ж она писала: „Одной из нас Достоевский обещал прийти“, тогда забывались все другие вечера, и мы прилагали все усилия, чтобы явиться к ней», — рассказывала мне недавно одна старая дама из высшего русского общества, бежавшая в Швейцарию. Почитатели Достоевского, принадлежавшие к высшим кругам петербургского общества, просили Толстую познакомить их с отцом. Она всегда соглашалась, но это не всегда было легким делом. Достоевский не был светским человеком и совсем не старался казаться любезным людям, которые ему не нравились. Если он встречал людей доброжелательных, чистые и благородные души, он был настолько мил с ними, что они никогда не могли забыть его и даже через двадцать лет после его смерти повторяли слова, сказанные им Достоевским. Когда же перед отцом оказывался один из снобов, которыми были полны петербургские салоны, он упорно молчал. Напрасно старалась тогда графиня Толстая прервать его молчание, искусно задавая ему вопросы; отец отвечал рассеянно «да», «нет» и продолжал рассматривать сноба как удивительное и вредное насекомое. Подобной нетерпимостью отец нажил себе множество врагов, что его обычно мало беспокоило. Это высокомерие Достоевского находилось в поразительном противоречии с изысканной вежливостью, восхитительной любезностью, с которой отец отвечал на письма своих почитателей из провинции. Достоевский знал, что все его мысли, его советы принимались с благоговением этими сельскими врачами, учительницами народных школ и священниками из маленьких приходов, в то время как петербургские фаты интересовались им только потому, что он был в моде.

Возможно, скажут, что такой великий писатель, как Достоевский, должен был бы быть снисходительнее к этим глупым и плохо воспитанным людям. Отец, однако, имел право презирать их, потому, что снобизм, который ввели у нас бароны из балтийских провинций, причинил России большие беды. Воспитанная на феодальном праве, Европа в течение многих столетий привыкла пресмыкаться перед людьми с титулами, перед капиталистами и крупными чиновниками. Во время своих путешествий за границу я часто удивлялась этой позорной субординации, господствующей в Европе. Славянский идеал братского равенства не может понять этого снобистского чувства превосходства и восстает против него. Мои соотечественники считают высокомерные позы снобов вызовом и оскорблением, никогда не прощают их и пытаются мстить. Два столетия балтийского снобизма привели

к расколу всю Россию. Накануне революции у нас смертельно враждовали все классы. Родовое дворянство ненавидело аристократию, которая окружила двор китайской стеной; купцы боролись с дворянством, которое их презирало и не хотело иметь с ними ничего общего; духовенство устало от жалкого положения, занимаемого им в государстве; вышедшие из народа представители интеллигенции были в оппозиции, так как они видели, что русское общество все еще считает их крестьянами, несмотря на высокую образованность <...>

В салоне графини Толстой так же, как и на студенческих вечерах, Достоевский имел больший успех у женщин, чем у мужчин, и все по той же причине: потому что он всегда относился к слабому полу с уважением. Русские до сих пор сохранили восточное отношение к женщинам. Правда, со времен Петра Великого они не угрожают им больше кнутом, они поклоняются им, целуют у них руки, ведут себя с ними, как с королевами, и стараются всегда быть на уровне европейской цивилизации. Но в то же время они смотрят на женщин как на больших детей, которые, будучи невежественными и легкомысленными, хотя, чтоб их занимали более или менее остроумными шутками и анекдотами. Они отказываются говорить с женщинами о серьезных вещах и насмехаются над их дерзким желанием заниматься общественными делами. Это восточное отношение очень злит моих соотечественниц. Нет ничего оскорбительнее для умной женщины, чем видеть, как дураки и невежды ведут себя с ней, словно высшие существа. Этой ошибки Достоевский никогда не совершал. Он не развлекал женщин и не собирался их обольщать; он говорил с ними серьезно, как с равными. Никогда не хотел он следовать русской моде и целовать у женщины руку; он утверждал, что это целование унижительно для нее. «Мужчины, целующие женщине руку, считают ее рабыней и хотят ее утешить тем, что обращаются с ней, как с королевой, — говорил он обычно. — Если они позднее увидят в ней равную себе, они удовольствуются тем, что пожмут ей руку, как своему товарищу». Эти слова отца привели петербуржцев в большое изумление, они не понимали, что он хотел сказать <...>

Успех Достоевского у женщин можно объяснить и иначе. Как считает один из его товарищей по заговору Петрашевского г. Ястржембский, отец принадлежал к того рода мужчинам, которые, как высказался по этому поводу Мишле¹⁷, «обладают очень сильной мужественностью, но имеют многое от женской натуры...»

Достоевский искренне любил графиню Толстую, предложившую ему литературную дружбу, в которой так нуждаются писатели, и все же, умирая, он не ей доверил свою семью. У Достоевского был еще один друг — женщина, которую он, правда, реже видел, но к которой относился с еще большим почтением. Это была графиня Гейден, урожденная графиня Зубова. Ее муж был генерал-губернатором Финляндии, она же жила в Петербурге, где основала большую больницу для бедных. Она проводила там целые дни, занималась больными, интересовалась их судьбой и пыталась их утешить. Графиня Гейден была большой почитательницей Достоевского. Встречаясь, они говорили о религии; мой отец излагал ей свои идеи о христианском воспитании. Так как графиня Гейден знала, какое большое значение Достоевский придавал нравственному воспитанию своих детей, она подружилась с моей матерью и пыталась оказывать влияние на меня. Только после ее смерти, образовавшей в моей жизни большую пустоту, я поняла, как многим я обязана этой истинной христианке.

Литературные вечера, которые устраивала в Петербурге учащаяся молодежь, вскоре вошли в моду в большом петербургском свете. Вместо того чтобы ставить живые картины или любительские спектакли, русские дамы, занимавшиеся благотворительностью, организовывали литературные вечера в своих салонах. Наши писатели предоставляли себя в их рас-

поряжение и обещали свою помощь, так как речь шла все же о хорошем деле. Достоевский был основной приманкой этих вечеров. Так как он имел дело с публикой, совершенно отличной от той, которая присутствовала на студенческих вечерах, мой отец предпочитал не читать монолог Мармеладова, а выбирал другие отрывки из своих произведений. Достоевский, верный своей идее приблизить интеллектуальное общество к народу, читал на аристократических вечерах предпочтительно главу из «Братьев Карамазовых», в которой старец Зосима принимает бедных крестьянок, пришедших к нему на богомолье. Одна из этих крестьянских женщин, потерявшая своего сына, ребенка трех лет, покидает свой дом, мужа, бродит по разным монастырям, не находя утешения своему горю. Достоевский описал в этой главе свою собственную боль; он также не мог забыть своего любимого, маленького Алешу¹⁸. Он вложил столько чувства в этот простой рассказ бедной матери, что все женщины, слушавшие его, бывали потрясены до глубины души. На одном из таких вечеров присутствовала великая княгиня Мария Федоровна, будущая русская императрица. Она тоже когда-то потеряла маленького сына и не могла его забыть. Услышав чтение моего отца, цесаревна принялась горько плакать, вспомнив о маленьком умершем. Когда Достоевский окончил чтение, она обратилась к дамам, организовавшим вечер, и сказала, что хотела бы с ним поговорить. Дамы поспешили удовлетворить ее желание. Очевидно, они были не слишком умны; зная несколько недоверчивый характер Достоевского, они боялись, что он откажется выполнить требование цесаревны, и решили вынудить его к этому хитростью. Они приблизились к моему отцу и сказали ему с таинственным выражением лица, что «одна очень, очень интересная личность» хотела бы поговорить с ним о его чтении.

— Что за интересная личность? — спросил Достоевский удивленно.

— Вы сами увидите... Она очень интересная... Пойдемте скорее с нами! — ответили молодые женщины, завладели моим отцом и, смеясь, повлекли его за собой в маленькую гостиную. Они ввели его туда и закрыли за ним двери. Достоевский был очень удивлен этим таинственным поведением. Маленькая гостиная, в которой он находился, была слабо освещена лампой, затененной ширмой; молодая женщина скромно сидела у столика. В этот период жизни мой отец уже не заглядывался больше на молоденьких женщин. Он приветствовал незнакомку, как приветствуют даму, которую встречают в салоне своей знакомой, а так как он подумал, что две юные шалуньи позволили себе его мистифицировать, то вышел из комнаты через противоположную дверь. Достоевский без сомнения знал, что цесаревна присутствовала на вечере, но подумал, что она уже ушла, или, возможно, он уже забыл по своей обычной рассеянности о ее присутствии. Он вернулся в большую гостиную, был сразу же окружен своими почитателями, вступил в разговор, который его интересовал, и совершенно забыл о «мистификации». Четверть часа спустя молодые дамы, которые привели его к дверям маленькой гостиной, бросились к нему.

— Что она вам сказала? Что она вам сказала? — спрашивали они с любопытством.

— Кто она? — спросил отец удивленно.

— Как это кто она? Цесаревна, конечно!

— Цесаревна? Но где же она? Я ее не видел...

Великую княгиню не оттолкнула эта неудачная встреча¹⁹; она знала о дружбе между Достоевским и великим князем Константином²⁰, и обратилась к последнему с просьбой познакомить ее с моим отцом. Великий князь немедленно организовал вечер и пригласил Достоевского, сообщив ему предварительно, кого он встретит у него. Отец был несколько смущен тем, что не узнал цесаревну, фотографии которой висели тогда во всех витринах; он принял приглашение и постарался быть любезным (<...>

Достоевский произвел на нее глубокое впечатление; она так много говорила о нем своему мужу, что и цесаревич захотел познакомиться с отцом. Через посредничество Константина Победоносцева он передал ему приглашение посетить его ²¹. Будущий Александр III очень интересовался всеми русофилами и славянофилами, ожидавшими от него крупных реформ. Достоевский также хотел с ним познакомиться, чтобы поделиться своими идеями по русскому и славянскому вопросам, и отправился в Аничков дворец, который был обычно резиденцией наших наследных князей. Его и ее высочества приняли его вместе и были восхитительно любезны по отношению к моему отцу ²². Очень характерно, что Достоевский, который в этот период жизни был пылким монархистом, не хотел подчиняться этикету двора и вел себя во дворце, как он привык вести себя в салонах своих друзей. Он говорил первым, вставал, когда находил, что разговор длился достаточно долго, и, простившись с цесаревной и ее супругом, покидал комнату так, как он это делал всегда, повернувшись спиной <... >

Наверное, это был единственный раз в жизни Александра III, когда с ним обращались как с простым смертным. Он не обиделся на это и впоследствии говорил о моем отце с уважением и симпатией. Этот император видел в своей жизни так много холопских спин! <... >

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ См. об этом в кн.: Д. В. Григорович. Литературные воспоминания. М., 1961, стр. 86.

² Опекуном Достоевских был муж старшей сестры писателя Варвары Михайловны, Петр Андреевич Каренин — правитель канцелярии московского военного генерал-губернатора.

³ Иван Григорьевич Сниткин, брат А. Г. Достоевской; его имение находилось в Курской губ., в 10 верстах от с. Мирополье, Суджанского у. Достоевские отдыхали там летом 1877 г.; в конце июня Достоевский уехал в Петербург, а А. Г. Достоевская с детьми отправилась в Киев.

⁴ А. Г. Достоевская в примечаниях к «Братьям Карамазовым» также пишет: «„Лавка Плотниковых“. Федор Михайлович говорит о бакалейном магазине Павла Ивановича Плотникова в Старой Руссе, в который сам любил заходить за закусками и сластями» (Л. П. Г р о с с а н. Семинарий по Достоевскому. М. — Пг., 1923, стр. 68). Подробнее о пребывании Достоевского в Старой Руссе — см.: Л. М. Рейнус. Ф. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971.

⁵ По завещанию тетки Достоевского А. Ф. Куманиной, скончавшейся в 1871 г., Достоевский в январе 1881 г. был введен во владение частью рязанского ее имения при условии выплаты денежных сумм своим сестрам, не участвовавшим в разделе. Сестра В. М. Иванова просила Достоевского отказаться в пользу сестер от своей доли в рязанском имении. По воспоминаниям Л. Ф. Достоевской, между братом и сестрой произошел бурный разговор. У Достоевского из горла хлынула кровь, а через два дня его не стало (См. «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской», стр. 96—97).

⁶ Неточная цитата из письма Достоевского 16 ноября 1845 г.: «Но, брат, что это за человек? Я тоже едва ль не влюбился в него. Поэт, талант, аристократ, красавец, богат, умен, образован, 25 лет, — я не знаю, в чем природа отказала ему?» («Письма», I, стр. 84).

⁷ Даже в период острой вражды Тургенев высоко ценил писательское дарование Достоевского. 28 марта /9 апреля 1877 г. Тургенев писал Достоевскому: «Я решился написать вам это письмо, несмотря на возникшие между нами недоразумения, вследствие которых наши личные отношения прекратились. Вы, я уверен, не сомневаетесь в том, что недоразумения эти не могли иметь никакого влияния на мое мнение о вашем первоклассном таланте и о том высоком месте, которое вы по праву занимаете в нашей литературе» (И. С. Т у р г е н е в. Полн. собр. соч. и писем. М. — Л., «Наука». Письма, т. XII, кн. 1, 1966, стр. 129).

⁸ О первой встрече с Некрасовым и Белинским и о чтении ими «Бедных людей» Достоевский рассказывал в «Дневнике писателя» 1877 г. (XII, 29—32), а Д. В. Григорович в «Литературных воспоминаниях».

⁹ В феврале 1846 г. в «Отечественных записках» напечатана статья Белинского о «Бедных людях» и «Двойнике», в которой похвалы, расточаемые второй повести, сопро-

вождаются мягкой критикой. Эта вполне благожелательная рецензия привела мнительного Достоевского в полное уныние. Отношения его с кругом «Современника» становятся все более натянутыми. Свою новую повесть «Господин Прохарчин» Достоевский отдает не Некрасову, а Краевскому в «Отечественные записки». Происходит ссора, посыпались насмешки и эпиграммы. Тургеневу и Некрасову принадлежит «Послание Белинского к Достоевскому», начинающееся строфой:

Витязь горестной фигуры,
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ...

Подробнее об этом см. в «Воспоминаниях» А. Я. Панаевой. М., 1956, а также: И. С. Тургенев. Указ. изд. Сочинения, т. I. М.—Л., 1960, стр. 360 и 607—609.

¹⁰ Легенда, которая относится к «Бедным людям». Впервые об эпизоде с «каимой», не называя имени Достоевского, рассказал И. И. Панаев в «Современнике» (1855, № 12). Об этом якобы высказанном желании Достоевского вспоминал также П. В. Анненков в «Замечательном десятилетии» («Вестник Европы», 1880, № 4). А. С. Суворин возразил Анненкову в «Новом времени» (1880, 4 апреля и 2 мая), сообщив, что в «Петербургском сборнике», 1846 г. «Бедные люди» напечатаны без всякой «каймы». В письме к Суворину 14 мая 1880 г. Достоевский просит еще раз выступить с заявлением по поводу «каймы» («Письма», IV, стр. 143). 18 мая 1880 г. в «Новом времени» появилось заявление: «Ф. М. Достоевский, находясь в Старой Руссе, где он лечится, просит нас заявить от его имени, что ничего подобного тому, что рассказано в „Вестнике Европы“ П. В. Анненковым насчет „каймы“, не было и не могло быть».

¹¹ По воспоминаниям Григоровича, этот эпизод действительно имел место в начале 1846 г., когда на вечере у Вильгельмских Достоевский был представлен известной красавице Сенявиной (Д. В. Григорович. Очерки из записной книжки. — «Ежемесячные литературные приложения к „Ниве“», 1901, XI, стр. 392—394).

¹² Мари Севинье (1626—1696) — французская писательница, прославилась своими письмами к дочери.

¹³ Неточная цитата из письма Достоевского 1 октября 1859 г. («Письма», I, стр. 257).

¹⁴ Л. Ф. Достоевская имеет в виду «Воспоминания о Достоевском» С. Д. Яновского, напечатанные в «Русском вестнике», 1884, № 4, а также письма в редакцию «Нового времени» о болезни Достоевского С. Д. Яновского и младшего брата писателя, А. М. Достоевского («Новое время», 1881, 24 февраля и 1 марта).

¹⁵ Л. Ф. Достоевская неточно цитирует воспоминания о Достоевском А. Е. Ризенкампа, напечатанные в кн.: «Биография, письма и заметки», стр. 64—65.

¹⁶ Речь идет о Софье Петровне Хитрово.

¹⁷ Жюль Мишле (1798—1874), французский историк.

¹⁸ Сын писателя, умер в трехлетнем возрасте в 1878 г.

¹⁹ По свидетельству А. Г. Достоевской, первая встреча Достоевского и Марии Федоровны произошла 22 декабря 1880 г. в доме гр. Менгден, где писатель выступал с чтением своих произведений в пользу приюта св. Ксении. Однако А. Г. Достоевская излагает эту встречу совсем иначе, указывая, что Мария Федоровна долго беседовала с Достоевским (А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 368).

²⁰ Константин Константинович (1858—1915), великий князь, президент Академии наук, пианист, критик и поэт, подписывавший свои стихотворения: «К.Р.». Подробнее о взаимоотношениях Достоевского с ним см. в «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской (гл. «Знакомство с великими князьями») и в статье Л. П. Гроссмана «Достоевский и правительственные круги 70-х годов» («Лит. наследство», т. 15, 1934). Здесь же опубликованы письма Константина Константиновича к Достоевскому (стр. 160—162). См. также в настоящ. томе стр. 134—139.

²¹ Записка К. П. Победоносцева к Достоевскому 15 декабря 1880 г. — «Жизнь и труды Достоевского», стр. 313.

²² Эта встреча Достоевского с будущим императором Александром III состоялась 16 декабря 1880 г.